

Четыре квартета, Томас Элиот

Четыре квартета (1936-1942)

БПРНТ НОРТОН {*}

{* Название поместья в Глостершире.}

Хотя логос присущ всем, большинство людей
живет, как если бы у них было собственное
разумение всего.

Гераклит

Путь вверх и путь вниз - один и тот же
путь.

Гераклит

I

Настоящее и прошедшее,
Вероятно, наступят в будущем,
Как будущее наступало в прошедшем.

Если время всегда настоящее,
Значит, время не отпускает.

Ненаставшее - отвлеченность,
Остающаяся возможностью
Только в области умозрения.

Ненаставшее и наставшее
Всегда ведут к настоящему.

Шаги откликаются в памяти
До непройденного поворота

К двери в розовый сад,
К неоткрытой двери. Так же

В тебе откликнется речь моя.

Но зачем
Прах тревожить на чаше розы,
Я не знаю.
Отраженья иного
Населяют сад. Не войти ли?
- Скорее, - пропела птица, - найди их, найди их
За поворотом. В первую дверь
В первый наш мир войти ли, доверься
Песне дрозда? В первый наш мир.
Там они, величавые и незримые,
Воздушно ступали по мертвым листьям
В осеннем тепле сквозь звенящий воздух,
И птица звала, как будто в ответ
Неслышимой музыке, скрытой в кустах,
И взгляды невидимых пересекались,
Ибо розы смотрели навстречу взглядам.
У них в гостях мы были хозяйева
И двигались с ними в условленном ритме
Пустынной аллеей взглянуть на пустой
Пруд, окруженный кустами букса.
Сух водоем, сух бетон, порыжел по краям,
А ведь он был наполнен водою солнца,
И кротко, кротко вздымался лотос,
И сверкала вода, напоенная сердцем света,
И они были сзади нас и отражались в воде.
Но надвинулась туча, и пруд опустел.
- Спешу, - пела птица, - в кустарнике прячутся дети,

Затаив дыхание вместе со смехом.

- Спешу, спешу, - говорила птица, - ведь людям

Труднее всего, когда жизнь реальна.

Прошедшее, как и будущее,

Ненаставшее и наставшее,

Всегда ведут к настоящему.

II

Пристал сапфир, прилип чеснок,

В грязи по ось ползет возок,

Поскрипывает дерево.

В крови вибрирует струна,

И забывается война

Во имя примирения.

Пульсация артерии

И лимфы обращение

Расчислены круженьем звезд

И всходят к лету в дереве

А мы стоим в свой малый рост

На движущемся дереве,

И слышим, как через года

Бегут от Гончих Псов стада,

Бегут сейчас, бегут всегда

И примиряются меж звезд.

В спокойной точке вращения мира. Ни сюда, ни отсюда,

Ни плоть, ни бесплотность; в спокойной точке ритм,

Но не задержка и не движенье. И не зови остановкой

Место встречи прошлого с будущим. Не движенье

сюда и отсюда,
Не подъем и не спуск. Кроме точки, спокойной
точки,
Нигде нет ритма, лишь в ней - ритм.
Я знаю, что где-то мы были, но, где мы были, не
знаю,
И не знаю, как долго: во времени точек нет.
Внутренняя свобода от житейских желаний,
Избавленье от действия и страдания, избавленье
От воли своей и чужой, благодать
Чувств, белый свет, спокойный и потрясающий,
Без движенья Erhebung {*}, сосредоточенность
{* Возвышение (нем.).}
Без отрешенности, истолкование
Нового мира и старого мира, понятных
В завершении их неполных восторгов,
В разрешении их неполных кошмаров.
Но учти, узы будущего и прошедшего
Сплетенных в слабостях ненадежного тела,
Спасают людей от неба и от проклятия,
Которых плоти не вынести.
В прошлом и в будущем
Сознанию почти нет места.
Сознавать значит быть вне времени,
Но только во времени помнится
Миг в саду среди роз.
Миг в беседке под гулом ливня,

Миг сквозняка при курении ладана,
Только между прошедшим и будущим.
Только времени покоряется время.

III

Здесь исчезают чувства
Во времени между концом и началом
В тусклом свете: не в свете дня
Тот сообщает предмету прозрачный покой
Наделяет тень эфемерной прелестью
Намекает неспешностью на неизменность.
Не во мраке ночи - тот очищает душу,
Ощущенья лишает опоры,
Отрешает любовь от сует.
Не избыток и не пустота. В мерцанье
Изношенные напряженные лица,
Пустяком отвлеченные от пустяков,
Прихотливо лишенные выраженья,
Цепенеют в насыщенной вялости.
Люди и клочья бумаги в холодном ветре,
Который дует к началу и после конца,
Влетает в нечистые легкие
И вылетает наружу. Ветер.
Время между концом и началом.
Извержение отлетающих душ
В блеклый воздух; они, закоснелые в спячке,
Попали на ветер, сверлящий холмы
Лондона, Хемпстед и Кларккенуэлл,

Кемпден, Патни и Хайгейт,
Примроуз и Ладгейт. Но нет,
Нет мрака в этом щебечущем мире.

Спустись пониже, спустись
В мир бесконечного одиночества,
Недвижный мир не от мира сего.

Внутренний мрак, отказ
И отрешенность от благ земных,

Опустошение чувств,
Отчуждение мира грез,

Бездействие мира духа

Это один путь, другой путь

Такой же, он не в движении,

Но в воздержании от движения

В то время, как мир движется,

Влекомый инстинктом, по колеям

Прошлого или будущего.

IV

Время и колокол хоронят день,

На солнце надвигаются туча и тень.

Повернется ли к нам подсолнух?

Сиро

Приникнет ли к нам вьюнок?

Кротко

Примут ли нас под свою сень

Ветви тиса? Уже крыло зимородка

Ответило светом свету, умолкло, и свет далек,

В спокойной точке вращения мира.

V

Слова, как и музыка, движутся

Лишь во времени; но то, что не выше жизни,

Не выше смерти. Слова, отзвучав, достигают

Молчания. Только формой и ритмом

Слова, как и музыка, достигают

Недвижности древней китайской вазы,

Круговращения вечной подвижности.

Не только недвижности скрипки во время

Звучащей ноты, но совмещенья

Начала с предшествующим концом,

Которые сосуществуют

До начала и после конца.

И все всегда сейчас. И слова,

Из сил выбиваясь, надламываются под ношей

От перегрузки соскальзывают и оползают,

От неточности загнивают и гибнут.

Им не под силу стоять на месте,

Остановиться. Их всегда осаждают

Визгливые голоса, насмешка,

Брань, болтовня. В пустыне Слово

Берут в осаду голоса искушения,

Тень, рыдающая в погребальной пляске,

Громкая жалоба неутешной химеры.

Движение это подробность ритма,

Как в лестнице из десяти ступеней.

Само желание это движение,
В сущности, нежелательное;
По сути, любовь - не движение,
Лишь причина его и конец
Вне времени, вне желания,
Кроме желания преодолеть
Ограничение временем
В пути от небытия к бытию.
Нежданно в луче солнца,
Пока в нем пляшут пылинки,
Прорывается смех детей,
Их восторг, затаенный в листве,
Скорее, сюда, теперь, всегда
Нелепо бесплодное грустное время
Между концом и началом.

ИСТ КОУКЕР {*}

{* Деревня в графстве Сомерсет, где предки Элиота жили около двухсот лет и откуда они в XVII в. эмигрировали в Америку.}

I

В моем начале мой конец. Один за другим
Дома возникают и рушатся, никнут и расширяются,
Переносятся, сносятся, восстанавливаются или
Вместо них - голое поле, фабрика или дорога.
Старый камень в новое здание, старые бревна
в новое пламя,
Старое пламя в золу, а зола в землю,
Которая снова плоть, покров и помет,

Кости людей и скота, кукурузные стебли и листья.
Дома живут, дома умирают: есть время строить,
И время жить, и время рождать,
И время ветру трясти расхлябанное окно
И панель, за которой бегают полевая мышь,
И трясти лохмотья шпалеры с безмолвным девизом.
В моем начале мой конец. На голое поле
Искоса падает свет, образуя аллею,
Темную ранним вечером из-за нависших ветвей,
И ты отступаешь к ограде, когда проезжает повозка,
И сама аллея тебя направляет к деревне,
Угнетенной жарким гипнозом предгрозья.
Раскаленный свет в душной дымке
Не отражают, но поглощают серые камни.
Георгины спят в пустой тишине.
Дождись первой совы.
Если ты подойдешь
Голым полем не слишком близко, не слишком
близко,
Летней полночью ты услышишь
Слабые звуки дудок и барабана
И увидишь танцующих у костра
Сочетанье мужчины и женщины
В танце, провозглашающем брак,
Достойное и приятное таинство.
Парами, как подобает в супружестве,
Держат друг друга за руки или запястья,

Что означает согласие. Кружатся вокруг огня,
Прыгают через костер или ведут хоровод,
По-сельски степенно или по-сельски смешливо
Вздымают и опускают тяжелые башмаки,
Башмак - земля, башмак - перегной,
Покой в земле нашедших покой,
Питающих поле. В извечном ритме,
Ритме танца и ритме жизни,
Ритме года и звездного неба,
Ритме удоев и урожаев,
Ритме соитий мужа с женой
И случки животных. В извечном ритме
Башмаки поднимаются и опускаются.
Еды и питья. Смрада и смерти.
Восход прорезается, новый день
Готовит жару и молчанье. На взморье
рассветный ветер,
Скользя, морщит волны. Я здесь
Или там, или где-то еще. В моем начале.

II

Зачем концу ноября нужны
Приметы и потрясенья весны
И возрожденное летнее пламя
Подснежники, плачущие под ногами,
И алые мальвы, что в серую высь
Слишком доверчиво вознеслись,
И поздние розы в раннем снегу?

Гром, грохоча среди гроз, несется
Как триумфальная колесница,
В небе вспыхивают зарницы,
Там Скорпион восстает на Солнце,
Пока не зайдут и Луна, и Солнце,
Плачут кометы, летят Леониды,
Горы и доли в вихре сраженья,
В котором вспыхнет жадное пламя,
А пламя будет сжигать планету
Вплоть до последнего оледененья.

Можно было сказать и так, но выйдет не очень
точно:

Иносказание в духе давно устаревшей поэтики,
Которая обрекала на непосильную схватку
Со словами и смыслами. Дело здесь не в поэзии.
Повторяя мысль, подчеркнем: поэзию и не ждали.
Какова же ценность желанного, много ли стоит
Долгожданный покой, осенняя просветленность
И мудрая старость? Быть может, нас обманули
Или себя обманули тихоречивые старцы,
Завещавшие нам лишь туман для обмана?
Просветленность всего лишь обдуманное тупоумие,
Мудрость всего лишь знание мертвых тайн,
Бесполезных во мраке, в который они
всматривались,
От которого отворачивались. Нам покажется,
Что знание, выведенное из опыта,

В лучшем случае наделено
Весьма ограниченной ценностью.
Знание это единый и ложный образ,
Но каждый миг происходит преобразование,
И в каждом миге новость и переоценка
Всего, чем мы были. Для нас не обман
Лишь обман, который отныне безвреден.
На полпути и не только на полпути,
Весь путь в темном лесу, в чернике,
У края обрыва, где негде поставить ногу,
Где угрожают чудовища, и влекут огоньки,
И стерегут наважденья. Поэтому говорите
Не о мудрости стариков, но об их слабоумье,
О том, как они страшатся страха и безрассудства,
О том, как они страшатся владеть
И принадлежать друг другу, другим или Богу.
Мы можем достигнуть единственной мудрости,
И это мудрость смирения: смирение бесконечно.
Дома поглощены волнами моря.
Танцоры все поглощены землей.

III

О тьма тьма тьма. Все они уходят во тьму,
В пустоты меж звезд, в пустоты уходят пустые
Полководцы, банкиры, писатели,
Меценаты, сановники и правители,
Столпы общества, председатели комитетов,
Короли промышленности и подрядчики,

И меркнут Солнце, Луна и "Готский альманах",
И "Биржевая газета", и "Справочник директоров",
И холодно чувство, и действовать нет оснований.
И все мы уходим с ними на молчаливые похороны,
Но никого не хороним, ибо некого хоронить.
- Тише, - сказал я душе, - пусть тьма снизойдет
на тебя.
Это будет Господня тьма. - Как в театре
Гаснет свет перед сменой декораций,
Гул за кулисами, тьма наступает на тьму,
И мы знаем, что горы и роща на заднике,
И выпуклый яркий фасад уезжают прочь...
Или в метро, когда поезд стоит между станций,
И возникают догадки и медленно угасают,
И ты видишь, как опустошаются лица
И нарастает страх оттого, что не о чем думать;
Или когда под наркозом сознаешь, что ты без
сознания...
- Тише, - сказал я душе, - жди без надежды,
Ибо надеемся мы не на то, что нам следует; жди
без любви,
Ибо любим мы тоже не то, что нам следует; есть
еще вера,
Но вера, любовь и надежда всегда в ожидании.
Жди без мысли, ведь ты не созрел для мысли:
И тьма станет светом, а неподвижность ритмом.
Шепчи о бегущих потоках и зимних грозах.

Невидимый дикий тмин, и дикая земляника,
И смех в саду были иносказаньем восторга,
Который поныне жив и всегда указывает
На муки рожденья и смерти.

Вы говорите,

Что я повторяюсь. Но я повторю.

Повторить ли? Чтобы прийти оттуда,
Где вас уже нет, сюда, где вас еще нет,
Вам нужно идти по пути, где не встретишь
восторгу.

Чтобы познать то, чего вы не знаете,
Вам нужно идти по дороге невежества,
Чтобы достичь того, чего у вас нет,
Вам нужно идти по пути отречения.

Чтобы стать не тем, кем вы были,
Вам нужно идти по пути, на котором вас нет.

И в вашем неведении - ваше знание,
И в вашем могуществе - ваша немощь,
И в ваше доме вас нет никогда.

IV

Распятый врач стальным ножом
Грозит гниющей части тела;
Мы состраданье узнаем
В кровоточащих пальцах, смело
Берущихся за тайное святое дело.

Здоровье наше - в нездоровье.

Твердит сиделка чуть живая,

Сидящая у изголовья,
О нашей отлученности от рая,
О том, что мы спасаемся, заболевая.
Для нас, больных, весь мир - больница,
Которую содержит мот,
Давно успевший разориться.
Мы в ней умрем от отческих забот,
Но никогда не выйдем из ее ворот.
Озноб вздымается от ног,
Жар стонет в проводах сознания,
Чтобы согреться, я продрог
В чистилище, где огонь - одно название,
Поскольку пламя - роза, дым - благоуханье.
Господню кровь привыкли пить,
Привыкли есть Господню плоть,
При этом продолжаем мнить,
Что нашу плоть и кровь не побороть,
И все же празднуем тот день, когда распят
Господь.

V

Итак, я на полпути, переживший двадцатилетие,
Пожалуй, загубленное двадцатилетие *entre deux guerres* {*}.

{* Между двух войн (франц.)}

Пытаюсь учиться словам и каждый раз
Начинаю сначала для неизведанной неудачи,
Ибо слова подчиняются лишь тогда,

Когда выражаешь ненужное, или приходят на
помощь,
Когда не нужно. И так, каждый приступ
Есть новое начинание, набег на невыразимость
С негодными средствами, которые иссякают
В сумятице чувств, в беспорядке нерегулярных
Отрядов эмоций. Страна же, которую хочешь
Исследовать и покорить, давно открыта
Однажды, дважды, множество раз - людьми, которых
Превзойти невозможно - и незачем соревноваться,
Когда следует только вернуть, что утрачено
И найдено, и утрачено снова и снова: и в наши дни,
Когда все осложнилось. А может, ни прибылей,
ни утрат.
Нам остаются попытки. Остальное не наше дело.
Дом - то, откуда выходят в дорогу. Мы старимся,
И мир становится все незнакомее, усложняются
ритмы
Жизни и умирания. Не раскаленный миг
Без прошлого, сам по себе, без будущего,
Но вся жизнь, горящая каждый миг,
И не только жизнь какого-то человека,
Но и древних камней с непрочтенными
письменами.
Есть время для вечера при сиянии звезд
И время для вечера при электрической лампе
(Со старым семейным альбомом).

Любовь почти обретает себя,
Когда здесь и теперь ничего не значат,
Даже в старости надо исследовать мир,
Безразлично, здесь или там.
Наше дело - недвижимый путь
К иным ожиданиям,
К соучастию и сопричастию.
Сквозь тьму, холод, безлюдную пустоту
Стонет волна, стонет ветер, огромное море,
Альбатрос и дельфин. В моем конце - начало.

ДРАЙ СЕЛВЭЙДЖЕС

Драй Селвэйджес - очевидно, от *les trois sauvages* - группа скал с маяком к северо-западу от Кейп-Энн, Массачусетс.

I

О богах я не много знаю, но думаю, что река
Коричневая богиня, угрюмая и неукротимая
И все-таки терпеливая, и понятная как граница,
Полезная и ненадежная при перевозке товаров,
И, наконец, - лишь задача при наведении моста.
Мост наведен, и коричневую богиню
В городах забывают, будто она смирилась.
Но она блюдет времена своих наводнений,
Бушует, сметает преграды и напоминает
О том, что удобней забыть. Ей нет ни жертв, ни
почета
При власти машин, она ждет, наблюдает и ждет.

В детстве ритм ее ощущался в спальне
И на дворе в апрельском буйном айланте,
И в запахе винограда на осеннем столе,
И в круге родных при зимнем газовом свете.
Река внутри нас, море вокруг нас,
Море к тому же граница земли, гранита,
В который бьется; заливов, в которых
Разбрасывает намеки на дни творенья
Медузу, краба, китовый хребет;
Лиманов, где любопытный видит
Нежные водоросли и анемоны морские.
Происходит возврат утрат - рваного невода,
Корзины для раков, обломка весла,
Оснастки чужих мертвецов. Море многоголосо,
Богато богами и голосами.
Соль его на шиповнике,
Туман его в елях.
Стенание моря
И тихие жалобы моря - различные голоса,
Часто слышные вместе; похныкиванье прибоя,
Угроза и ласка волны, разбивающейся о воду.
Зубрежка в далеких гранитных зубах,
Шипенье, как предупрежденье с летящего мыса,
Все голоса моря - как и сирена с бакена,
Бьющегося на цепи, как и случайная чайка;
И под гнетом безмолвствующего тумана
Стонет колокол,

Качаемый мертвой зыбью,
Отмеряя не наше время, но время
Старше, чем время хронометров, старше,
Чем время измученных изволновавшихся женщин,
Которые в ночь без сна гадают о будущем,
Стараются расплести, развязать, распутать
И соединить прошедшее с будущим
Меж полночью и рассветом,
Когда прошедшее - наваждение,
А будущее без будущности,
В часы перед утренней вахтой,
Когда время стоит и никогда не кончается;
И мертвая зыбь, и все, что было и есть,
Бьют
В колокол.

II

Но где конец невысказанным стонам,
Осеннему немому увяданью,
Когда цветок недвижимый опадает?
И где конец обломкам от судов,
Молитве мертвеца и невозможной
Молитве при ужасном извещенье?
Тут нет конца в движенье непреклонном
Часов и дней, но только умиранье,
Когда бесчувственность овладевает
Годами жизни, сбросившей покров
И оказавшейся не столь надежной

И, стало быть, достойной осужденья.
И остается в старости - лишенным
Достоинства и твердых упований
Роптать на то, что силы покидают,
И в тонущем челне без парусов
Плыть по волнам и в тишине тревожно
Ждать колокола светопреставленья.
Но где же им конец, неугомонным
Рыбачьим лодкам, тающим в тумане?
Кто время океаном не считает?
Кто в океане не видал следов
Крушений, а в грядущем - непреложный,
Как и в прошедшем, путь без назначенья?
Мы видим их, живущих по законам
Рыбацкого скупого пропитанья:
Рискуют, ловят, что-то получают,
И сами не помыслим про улов,
Не столь понятный, менее надежный,
Не находящий в деньгах выраженья.
Здесь нет конца безгласным этим стонам,
И осени увядшей увяданью,
И боль недвижимая струится и пронзает,
И нет конца обломкам от судов,
И обращенью мертвых к Смерти, и едва
возможной
Молитве о чудесном Избавленьи.
С годами старенья кажется,

Что прошлое приобретает иные черты
И уже не просто чередование событий
Или саморазвитие - идея, рожденная
Наивными взглядами на эволюцию,
Которые служат обычным средством
Навсегда отречься от прошлого.
Миг счастья - не чувство благополучия,
Полноты, расцвета, спокойствия или
влюбленности
И не хороший обед, но внезапное озарение
Мы обретали опыт, но смысл от нас ускользал,
А приближение к смыслу, преображая,
Возрождает наш опыт вне всякого смысла,
Который чудится в счастье. Я говорил,
Что прошлый опыт, снова обретший смысл,
Не только опыт одной жизни, но опыт
Поколений и поколений, не забывавших
Нечто, пожалуй, вовсе невыразимое
Взгляд назад сквозь все уверенья
Исторической литературы, через плечо
Полувзгляд назад, в первозданный ужас.
И мы для себя открываем, что миг мученья
Нескончаем и вечен, как время, и безразлично,
Вызван ли он пониманьем или непониманьем,
Надеждой на безнадежное или страхом
Перед тем, что нестрашно. Это заметнее
Не по своим страданиям, но по страданиям

Ближнего, которому мы сострадаем.

Если свое пережитое - в мутных потоках поступков,

То чужое терзанье - самодовлеющий опыт,

Не изношенный частыми воспоминаньями.

Люди меняются и улыбаются, только мучения вечны.

Время все разрушает, и время все сохраняет,

Как река с утонувшими нефами, курами и коровами,

Горьким яблоком и надкусом на яблоке.

Как зазубренная скала в беспокойных водах

Волны ее заливают, туман ее поглощает,

В ясный день она, словно памятник,

В навигацию - веха для лоцмана.

Но и во время штиля и в налетевший шторм

Она то, чем была всегда.

III

Иногда я гадаю, не это ли высказал Кришна.

Рассуждая о разном или по-разному об одном:

Что будущее - увядшая песня, Царская Роза или
лаванда,

Засохшая меж пожелтевших страниц

Ни разу не раскрывавшейся книги, что будущее

Сожаленье для тех, кто пока что лишен сожаленья,

И что путь вверх ведет вниз, путь вперед приводит
назад.

Долго вынести это нельзя, хотя несомненно,

Что время не исцелитель: больного уже унесло.

Когда состав отправляется и провожающие

Уходят с перрона, а пассажиры усаживаются,
Кто с яблоком, кто с газетой, кто с деловым
письмом,
Их лица смягчаются и просветляются
Под усыпляющий ритм сотни часов.
Вперед, путешественники! Вы не бежите от
прошлого
В новую жизнь или в некое будущее;
Вы не те, кто уехал с того вокзала,
И не те, кто прибудет к конечной станции
По рельсам, сходящимся где-то вдали за поездом.
И на океанском лайнере, где вы видите,
Как за кормой расширяется борозда,
Вы не станете думать, что с прошлым покончено
Или что будущее перед вами раскрыто.
С наступлением ночи в снастях и антеннах
Возникает голос, поющий на никакой языке
И не для уха, журчащей раковины времен:
"Вперед, о считающие себя путешественниками!
Вы не те, кто видел, как удалялась пристань,
И не те, кто сойдет с корабля на землю,
Здесь между ближним и дальним берегом,
Когда время остановилось, равно спокойно
Задумайтесь над прошедшим и будущим.
В миг, лишенный как действия, так и бездействия,
Вы способны понять, что в любой из сфер бытия
Ум человека может быть сосредоточен

На смертном часе, а смертный час - это
каждый час.

И эта мысль - единственное из действий,
Которое даст плоды в жизнях других людей,
Но не думайте о грядущих плодах.

Плывите вперед.

О путешественники, о моряки
Вы, пришедшие в порт, и вы, чьи тела
Узнали дознание и приговор океана,
Любой исход - ваше истинное назначение".

Так говорил Кришна на поле брани,
Наставляя Арджуну.

Итак, не доброго вам пути,
Но пути вперед, путешественники!

IV

О Ты, чья святыня стоит на мысе,
Молись за плывущих на кораблях,
За тех, кто отправится к рыбам, за всех
Отплывших в любое праведное путешествие
И тех, кто ведет их.

Повтори молитву свою ради женщин,
Которые проводили мужей или сыновей,
И те отплыли и не вернутся:

Figlia del tuo figlio {*},

{* "Дочь своего сына" (Данте, "Рай", XXXIII, I).}

Царица Небесная.

Также молись за плывших на кораблях

И кончивших путь на песке, на губах моря,
В темной пасти, которая не изрыгает,
Везде, где не слышен колокол мертвой зыби,
Вечное благодарение.

V

Сообщение с Марсом, беседы с духами,
Отчет о жизни морского страшилища,
Составление гороскопа, гадание
По внутренностям животных, тайны
Магического кристалла, диагноз
По почерку, разгадка судьбы по ладони,
Дурные предзнаменования
В узорах кофейной гущи
И сочетаниях карт, возня с пентаграммами
И барбитуратами, приведение
Навязчивых мыслей к подсознательным
страхам,
Изучение чрева, могилы и снов
Все это распространенные
Развлеченья, наркотики и сенсации
И так будет вечно, особенно во времена
Народных бедствий и смут
Где-нибудь в Азии или на Эджвер-роуд.
Человеческое любопытство обследует
Прошлое и грядущее и прилепляется
К этим понятиям. Но находить
Точку пересечения времени

И вневременного - занятие лишь для святого,
И не занятие даже, но нечто такое,
Что дается и отбирается
Пожизненной смертью в любви,
Горении, жертвенности и самозабвении.
Для большинства из нас существует
Лишь неприметный момент, входящий
Во время и выходящий из времени,
Теряясь в столбе лучей из окна,
В невидимом диком тмине,
В зимней молнии, в водопаде,
В музыке, слышимой столь глубоко,
Что ее не слышно: пока она длится,
Вы сами - музыка. А это только догадки,
намеки,
Догадки вслед за намеками; а остальное
Молитва и послушание, мысль и действие.
Намек полуразгаданный, дар полупонятый
есть Воплощение.
Здесь невозможный союз
Сфер бытия возможен,
Здесь прошлое с будущим
Смирятся и примиряются,
А иначе мы действуем, словно
Движимы кем-то и лишены
Дара внутреннего движенья,
Во власти сил преисподней.

Но действие в высшем смысле
Свобода от прошлого с будущим,
Чего большинство из нас
Здесь никогда не добьется.
И от вечного поражения
Спасает нас только упорство.
В конце же концов мы рады
Знать, что питаем собою
(Вблизи от корней тиса)
Жизнь полноценной почвы.

ЛИТТЛ ГИДДИНГ {*}

{* Местечко в графстве Хантингдоншир, оплот англиканства и роялизма во время гражданской войны 1641-1649 гг., место трехкратного паломничества короля Карла I.}

I

Весна посреди зимы - особое время года:
Вечность, слегка подтаивающая к закату,
Взвешенная во времени между полюсом и экватором.
В краткий день, озаренный морозом и пламенем,
В безветренный холод, лелеющий сердце жары,
Недолгое солнце пылает на льду прудов и канав
И, отражаясь в зеркале первой воды,
Ослепляет послеполуденным блеском.
И свечение ярче света горячей ветви или жаровни
Пробуждает немую душу: не ветер, но пламя
Духова дня
В темное время года. Силы души оживают
Меж таяньем и замерзаньем. Не пахнет землей
И не пахнет ничем живым. Это весна

Вне расписанья времен. Живые изгороди
На часок покрылись беленькими лепестками
Снега, они расцвели внезапно,
Чем это бывает летом, у них ни бутонов, ни завязей,
Они вне закона плодоношения.
Где же лето, невообразимое
Лето, стоящее на нуле?
Если прийти сюда,
Путем, которым вам свойственно проходить,
Оттуда, откуда вам свойственно приходить,
Если прийти сюда в мае, вы снова увидите
Кустарники изгородей в цвету,
В майском чувственном благоуханье.
Конец путешествия будет всегда неизменен
Придете ли ночью, утратив царство,
Придете ли днем, не зная, зачем пришли,
Конец неизменен - когда вы свернете с проселка
И обогнете свинарник, то перед вами предстанет
Серый фасад и надгробный камень,
А то, что казалось целью прихода,
Всего шелуха, всего оболочка смысла,
Из которого - да и то не всегда - прорывается
ваша цель.
Если смысл хорошо усвоен.
Либо цели у вас нет, либо цель за краем
Задуманного пути и изменится при достижении
цели.

И другие края считаются краем света
Пасть моря, озерная мгла, пустыня или
большой город,
Но этот край ближе всех во времени и пространстве;
Он сегодня и в Англии.

Если прийти сюда
Любым путем и откуда угодно
В любое время года и суток,
Конец неизменен: вам придется отставить
Чувства и мысли. Вы пришли не затем,
Чтобы удостовериться и просветиться,
Полубопытствовать или составить отчет.
Вы пришли затем, чтобы стать на колени,
Ибо молитвы отсюда бывали услышаны.
А молитва не просто порядок слов,
И не дисциплина смирения для ума,
И не звуки молитвенной речи.
И то, о чем мертвые не говорили при жизни,
Теперь они вам откроют, ибо они мертвы,
Откроют огненным языком превыше речи живых.

Здесь, на мгновенном и вневременном
перекрестке,
Мы в Англии и нигде. Никогда и всегда.

II

Пепел на рукаве старика
Пепел розового лепестка.
Пыль, поднявшаяся столбом,

Выдает разрушенный дом.
Пыль, оседающая в груди,
Твердит, что все позади
И не надо мечтать о звездах.
Так умирает воздух.
Потоп и засуха в свой черед
Поражают глаза и рот,
Мертвые воды, мертвый песок
Ждут, что настанет срок.
Тощая выжженная борозда
Намекает на тщетность труда,
Веселится, не веселя.
Так умирает земля.
Вода и огонь унаследуют нам,
Городам, лугам, сорнякам.
Вода и огонь презрят благодать,
Которую мы не смогли принять.
Вода и огонь дадут завершенье
Нами начатому разрушенью
Храмов, статуй, икон.
Так умрут вода и огонь.
В колеблющийся час перед рассветом
Близ окончания бесконечной ночи
У края нескончаемого круга,
Когда разивший жалом черный голубь
Исчез за горизонтом приземленья,
И мертвая листва грохочет жестью,

И нет иного звука на асфальте
Меж трех еще дымящихся районов,
Я встретил пешехода - он то мешкал,
То неся с металлической листвою
На городском рассветном сквозняке.
И я вперился с острым любопытством,
С которым в полумраке изучают
Случайных встречных, в опаленный облик
И встретил взгляд кого-то из великих,
Кого я знал, забыл и полупомнил,
Как одного из многих; мне в глаза
Глядел знакомый мозаичный призрак,
Такой родной и неопределимый.
И я вошел в двойную роль и крикнул
И услышал в ответ: "Как! Это ты?"
Нас не было. Я был самим собою,
Но понимал, что я не только я
А он еще довоплощался; все же
Его слова рождали узнавание.
И вот, подчинены простому ветру
И слишком чужды для непониманья,
По воле пересекшихся времен
Мы встретились в нигде, ни до, ни после
И зашагали призрачным дозором.
Я начал: "Мне легко с тобой на диво,
Но к дивному приводит только легкость.
Скажи: Что я забыл, чего не понял?"

И он: "Я не хотел бы повторять
Забытые тобой слова и мысли.
Я ими отслужил: да будет так.
И ты отслужишь. Так молись за мною,
Чтоб и добро и зло тебе простили.
Злак прошлогодний съеден, и, насытись,
Зверь отпихнет порожнее ведро.
Вчерашний смысл вчера утратил смысл,
А завтрашний - откроет новый голос.
Но так как ныне дух неукротенный
Легко находит путь между мирами,
Уподобляющимися друг другу,
То я найду умершие слова
На улицах, с которыми простился,
Покинув плоть на дальнем берегу.
Забота наша, речь, нас подвигала
Избавить племя от косноязычья,
Умы понудить к зренью и прозренью.
И вот какими в старости дарами
Венчается наш ежедневный труд.
Во-первых, холод вянущего чувства,
Разочарованность и беспросветность,
Оскомина от мнимого плода
Пред отпадением души от тела.
Затем бессильное негодование
При виде человеческих пороков
И безнадежная ненужность смеха.

И, в-третьих, повторенье через силу
Себя и дел своих, и запоздалый
Позор открывшихся причин; сознание,
Что сделанное дурно и во вред
Ты сам когда-то почитал за доблесть.
И вот хвала язвит, а честь марает.
Меж зол бредет терзающийся дух,
Покуда в очистительном огне
Ты не воскреснешь и найдешь свой ритм.
День занимался. Посреди развалин
Он, кажется, меня благословил
И скрылся с объявлением отбоя.

III

Есть три состояния, часто на вид похожие,
Но по сути различные, произрастающие
В одном и том же кустарнике вдоль дороги:
привязанность
К себе, к другим и к вещам; отрешенность
От себя, от других, от вещей; безразличие,
Растущее между ними, как между разными жизнями,
Бесплодное между живой и мертвой крапивой,
Похожее на живых, как смерть на жизнь.
Вот применение памяти: освобождение
Не столько отказ от любви, сколько выход
Любви за пределы страсти и, стало быть,
освобождение
От будущего и прошедшего. Так любовь к родине

Начинается с верности своему полю действия
И приводит к сознанию, что действие
малозначительно,
Но всегда что-то значит. История может быть
рабством,
История может быть освобождением. Смотрите,
Как уходят от нас вереницей края и лица
Вместе с собственным я, что любило их, как умело,
И спешит к обновлению и преображению,
к иному ритму.
Грех неизбежен, но
Все разрешится, и
Сделается хорошо.
Если опять подумать
Об этих краях и людях,
Отнюдь не всегда достойных,
Не слишком родных и добрых,
Но странно приметных духом
И движимых общим духом,
И объединенных борьбою,
Которая их разделила;
Если опять подумать
О короле гонимом,
О троих, погибших на плахе,
И о многих, погибших в безвестье,
Дома или в изгнание,
О том, кто умер слепым,

То, если подумать, зачем
Нам славословить мертвых,
А не тех, кто еще умирает?
Вовсе не для того,
Чтоб набатом вызвать кошмары
И заклятьями призрак Розы.
Нам не дано воскрешать
Старые споры и партии,
Нам не дано шагать
За продранным барабаном.
А те, и что были против,
И против кого они были,
Признали закон молчанья
И стали единой партией.
Взятое у победителей
Наследуют от побежденных:
Они оставляют символ,
Свое очищение смертью.
Все разрешится, и
Сделается хорошо,
Очистятся побужденья
В земле, к которой зывали.
IV
Снижаясь, голубь низвергает
Огонь и ужас в подтвержденье
Того, что не бывает
Иной дороги к очищенью:

Добро и зло предполагают
Лишь выбор между пламенами

От пламени спасает пламя.

Любовь, забывшееся Имя.

Любовь одела мирозданье

Заботами своими

В пылающее одеянье,

И нет его неизносимей.

И что бы ни случилось с нами,

Мы входим в пламя или в пламя.

V

Что мы считаем началом, часто - конец,

А дойти до конца означает начать сначала.

Конец - отправная точка. Каждая верная фраза

(Где каждое слово дома и дружит с соседями,

Каждое слово всерьез и не ради слова

И служит для связи былого и будущего,

Разговорное слово точно и невульгарно,

Книжное слово четко и непедантично,

Совершенство согласия в общем ритме),

Каждая фраза содержит конец и начало,

Каждое стихотворение есть эпитафия.

И каждое действие - шаг к преграде, к огню,

К пасти моря, к нечетким буквам на камне:

Вот откуда мы начинаем.

Мы умираем с теми, кто умирает; глядите

Они уходят и нас уводят с собой.

Мы рождаемся с теми, кто умер: глядите
Они приходят и нас приводят с собой.
Мгновение розы равно мгновению тиса
По длительности. Народ без истории
Не свободен от времени, ибо история
Единство мгновений вне времени.
Так в зимних сумерках в уединенной часовне
История - ныне и в Англии.
С влечением этой Любви и голосом этого Зова.
Мы будем скитаться мыслью
И в конце скитаний придем
Туда, откуда мы вышли,
И увидим свой край впервые.
В неведомые, незабвенные
Врата мы увидим, что нам
Здесь изучить осталось
Лишь то, что было вначале:
У истока длиннейшей реки
Голос тайного водопада
И за яблоневою листвою
Детей, которых не видно,
Ибо на них не смотрят,
Лишь слышно их, полуслышно
В тиши меж двумя волнами.
Скорее, сюда, сейчас, всегда
Таково условие невинности,
(Равноценной всему на свете),

И все разрешится, и
Сделается хорошо,
Когда языки огня
Сплетутся в пламенный узел,
Где огонь и роза - одно.

Перевод А. Сергеева

ЧЕТЫРЕ КВАРТЕТА

БПРНТ НОРТОН

των λουον d'eovtoc evvov cwovoiv oi

поллоі wс ldiav eeovtec φpovnoiv

I. p. 77. Fr. 2. {*}

odos avw katw uea kai wvtn

I. p. 89. Fr. 60. {**}

Diels: Die Fragmente der Vorsokratiker

(Herakleitos)

{* Слово означает для всех одно, но большинство людей живет так, как если бы каждый понимал его смысл по-своему.

Гераклит, I, 77,2

** Путь туда тот же, что и путь обратно.

Гераклит, I, 89, 60}

I

Настоящее и прошедшее,

Наверно, содержатся в будущем,

А будущее заключалось в прошедшем.

Если время суще в себе,

Время нельзя искупить.

Несбывшееся - отвлеченность,

Его бытие - только
В области предположений.
Несбывшееся и сбывшееся
Приводят всегда к настоящему.
Эхом в памяти отдаются шаги
В тупике, куда мы не свернули
К двери в сад роз, которую
Не открывали. Так и слова мои
Эхо для уха.
Зачем
Тревожить пыльцу на венчике розы?
Не знаю.
Отзвуки сад населяют
Иные. Идем?
- Скорей! - пела птица. - За ними, за ними,
Сверни! За первую дверь
В первый наш мир. Идем
За посулом дрозда? В первый наш мир.
Там они, там - величавы, незримы,
Плыли неспешно над палой листвою
В осеннем тепле сквозь трепещущий воздух
И вторила птица
Неслышной мелодии, скрытой в аллее;
Взгляды скрестились
Ибо на розы, казалось, глядели,
Словно они наши гости, хозяйева-гости.
Так мы шли, и они, лабиринтом

Пустынной аллеей к поляне средь букса,

Чтоб взглянуть на высохший пруд.

Высох пруд, сух бетон, порыжели края

Был он полон блистающей влаги,

Тихо-тихо рос лотос,

И сверкала вода, напоенная светом,

И стояли они за спиною у нас, и в воде

отражались.

Облако уплыло - пруд опустел.

- Иди! - пела птица. - Там в зарослях

Прячутся дети - вот-вот рассмеются.

Иди же, иди! - Человекам невмочь,

Когда жизнь реальна сверх меры.

Прошлое и будущее

Несбывшееся и сбывшееся

Приводят всегда к настоящему.

II

Чеснок и сапфир налипли в грязь

Где осью встало древо

А кровь пульсирует струясь

И раны старые слышны

Но тихнет прежний гнев войны.

И ритм биенья нашей крови

И лимфы нашей путь кружной

В движеньи звезд повторены

Восходим мы цвести во древо

Но выше движимого древа

В луче что чертит лист резной
И снизу слышен шум разора
Где гонит вепря гончих свора
Но в поле звездного узора
Они давно примирены.
В незыблемой точке мировращенья. Ни плоть, ни
бесплотность.
Ни вперед, ни назад. В незыблемой точке есть ритм,
Но ни покой, ни движенье. Там и не равновесье,
Где сходятся прошлое с будущим. И не движенье
ни вперед,
Ни назад, ни вверх, ни вниз. Только в этой
незыблемой точке
Ритм возможен, и в ней - только ритм.
Я говорю - там мы были, не знаю лишь
Где и когда - ни места, ни времени.
Отказ от мирских вождлений,
Бездействие и отстраненность
Избавляют от воли, своей и чужой; и тогда
Благостью чувства, чистым светом, незыблемым
и текучим,
Erhebung {*} без движенья, сосредоточенностью
{* Становление (нем.).}
Без отрешенности постигается мир,
И новый, и старый,
В исполненье их недо-экстазов,
В разгадке их недо-кошмаров.

И только скрепы меж прошлым и будущим,
Сплотившие бренное тело,
Спасают людей от небесного царства и вечных
мучений,
Которых не вынесет плоть.

Прошлое и будущее

Едва ли проникнешь сознанием.

Сознание - вне времени.

Но лишь времени принадлежит миг в саду роз,

Миг в беседке под стук дождя,

Миг в пахнувшей ладаном церкви,

Связующий прошлое с будущим.

Только время наследует время.

III

Вот оно, здесь, место встречи

Времени "до" и времени "после"

В тумане: ни свет,

Придающий незыблемость форме,

Превращающий тень в мимолетное чудо,

Не спеша, выявляющий нам постоянство;

Ни тьма очищенья,

Лишающая ощущений,

Отрешающая любовь от мирского.

Ни исполненность, ни безучастность. Только

мерцанье

Над искаженными мятыми лицами,

В отчаянье отчаявшимися от отчаянья,

Тупыми, капризными,
Насыщенными и безразличными;
Люди и клочья бумаги на резком ветру,
Дующем "до" и "после",
Дыханье отравленных легких
Времени "до" и времени "после";
Извержение оцепенелых загубленных душ
В обесцвеченный воздух, подхваченных
Ветром, метущим унылые холмы Лондона:
Хэмпстед, Клеркенуэлл, Кэмпден и Патни,
Хайгейт, Примроуз и Ладгейт. Тьма не здесь
Тьма не здесь, не в щебечущем мире.

Сойди же, сойди только
В мир одиночества,
В этот не-мир не от мира сего:
Внутренний мрак,
Отрешенность, безличье,
Увядание мира чувств,
Опустошение мира любви,
Бездействие мира души.

Это путь первый, второй
Путь - такой же: не движенье,
Но отказ от движенья; пока движется мир
Сам собою по торным дорогам
Прошлого и будущего.

IV

Время и колокол отмерили срок,

В облаке черном свет солнца поблек.

К нам повернется подсолнух?

Вьюнок вытянет к нам стебелек?

Или нас ожидает

Хлад

Тисовых пальцев забвенья?

Блистают пернатый король-рыболов,

блистают и тает;

Незыблемый свет

В незыблемой точке мировращенья.

V

Слова и мелодия движутся

Только во времени; а то, что живет,

Может только исчезнуть. Слова, отзвучав,

Достигают безмолвья. Лишь порядком, лишь ритмом

Достигнут слова и мелодия

Незыблемости - как китайская ваза

Незыблемо движется вечно;

Достигнут не той неподвижности скрипки

При длящейся ноте - достигнут со-бытия;

Иными словами, когда конец предваряет начало,

А конец и начало - всегда

"До" начала и "после" конца.

И все всегда сейчас. Слова искажаются,

Трещат и ломаются от перегрузки,

От напряженья скользят, расползаются, гибнут,

Гниют до неточности - им не застыть неподвижно,

Незыблемо. Визг и брань осаждают их,

И болтовня, и насмешки.

Слово в пустыне

Берут в оборот голоса искушенья,

Вопли призрака в дьявольской пляске,

Вой безутешной химеры.

Такт ритма - движенье,

Как по лестнице в десять ступеней.

Томление духа само по себе

Есть движенье - но бесцельно

Само по себе; Любовь - неподвижность,

Лишь конец и причина движенья,

Лишенного ритма

Истома томленья

Удерживать время на грани

Бытия и небытия.

Неожиданно в лучике солнца,

Пока пляшут пылинки,

Детский смех раздаётся,

Еле слышимый в листьях,

Скорей же, здесь, сейчас, всегда

Нелепо бесплодное скорбное время,

Влачимое "до" и "после".

ИСТ КОУКЕР

І

В моем начале мой конец. В круговороте

Дома встают и рушатся, ветшают,

Сносятся и перестраиваются. Вместо них
Пустырь, или фабрика, или проселок.
Старый камень - в новый дом, старая доска
в новый костер,
Старый костер - в золе, зола - в землю,
Которая вот уже мясо, шкура, помет,
Кости скотины и человека, стебель злака и лист.
Дома живут и отживают: время строить,
Время жить и плодиться,
Время ветру стекло дребезжащее выбить
И панель расшатать, на которой полевка снует,
И лохмотья трепать гобелена с безмолвным девизом.
В моем начале мой конец. Падает никнущий свет
На пустырь, открывая глухой переулок,
Затененный ветвями - сумерки днем
Где прижмешься к ограде, когда проезжает фургон;
И глухой переулок ведет
В направленье к деревне, застывшей
В духоте перед грозой. В знойном мареве свет
Поглощается, не отраженный серым булыжником,
Спят георгины в пустынном безмолвье.
Жди появления совы.
И на том пустыре,
Если ты подойдешь не слишком близко,
не слишком близко,
В летнюю полночь услышишь мелодию
Дудочки и барабана

И увидишь пляшущих возле костра.
Съединенье мужчины и женщины
В пляске, обряд сочетанья
Благолепное, чинное таинство.
По двое - скрепиша союз,
Взяша за руки
Се знаменует согласие. И вокруг огня
И прыжки через пламя - или кругами со всеми;
Сельски степенно и сельски смешливо
Поднимают грязные ноги в нелепой обуви,
Ноги в земле, ноги в глине, вздетые в сельском
веселее,
Веселье давно уж собою
Питающих злаки. Вечен ритм,
Вечен ритм их пляски,
Как в их жизни живой
Ритм времен года и ритм созвездий,
Время доить и время снимать урожай,
Время сходиться мужчине и женщине,
Время сходиться скотине. Ноги вверх-вниз.
Пьют и едят. Навоз и смерть.
Светает... День новый
Готов для жары и безмолвья. У моря бриз
Морщит волны. Я здесь
И не здесь. В моем начале.

II

Разве ноябрю нужны

Потрясения весны
Дней цветения примяты
Где подснежники примяты
И у мальвы жалкий вид
Стебелек поблек и сник
В поздних розах ранний снег?
Гром падучих звезд дробится
Словно мчатся колесницы
В боевом строю сразиться
Против Солнца Скорпион
И Луну низложит он
Вой Комет и Леонид
Небеса и землю страсть
Увлекает в вихрь войны
В тот огонь где мир горит
Покуда льда не придет власть.
Изложить можно было и так - пусть не очень удачно:
Опыт иносказанья в духе старой поэзии,
Оставляющей нас в непосильной борьбе
Со словами и смыслом. Не в поэзии дело,
На нее ведь (читай сначала!) никто не надеялся.
Чего же стоят столь долгожданные
Покой, осенняя безмятежность
И мудрость старости? Нас обманули
Или себя обманули тихоречивые старцы,
Нам завещавшие манну обмана?
Безмятежность - преднамеренное тупоумье,

Мудрость - знание мертвых тайн,
Бесплезное во тьме, куда вглядывались
И откуда глаза отводили.
В лучшем случае, весьма ограничена ценность
Знания из опыта.
Знание представляет нам образ, но лжет,
Ибо образ мгновенно меняется,
Каждый миг - это смена и переоценка
Всего, чем мы были. Только там не обманемся мы,
Где обманывать уж бесполезно.
На полпути, и не только на полпути,
Но весь путь по дремучему лесу, в зарослях,
По краю обрыва без надежной опоры
Угрожают чудовища, манят огни,
Стережет колдовство. Не желаю я слышать
О мудрости стариков, но об их слабоумье,
Об их страхе страха и безрассудства, их боязни
владеть,
Примкнуть к своим, к чужим или к Богу.
Нам доступна одна только мудрость
Мудрость смиренья: смиренье - оно бесконечно.
Жилища все исчезли под волнами.
Танцоры все исчезли под холмом.
III
Тьма тьма тьма. Они все уходят во тьму,
В пустоты меж звезд - пустое в пустое.
Полководцы, банкиры, знаменитые писатели,

Меценаты, политики и правители,
Сановники, председатели комитетов,
Промышленные магнаты и мелкие подрядчики
все уходят во тьму;
И темны Солнце, Луна и "Готский альманах",
И "Биржевая газета", и "Справочник директоров",
И холоден дух, и действовать нет побуждений.
И с ними уходим мы все на тихие похороны,
Похороны без покойника - ибо некого нам хоронить.
Душе я сказал - смирись! И тьма пусть падет на
тебя
Тьма Господня будет. Как в театре
Лампы потушены для перемен декораций,
Грохот пустой за кулисами, тьма наступает на тьму,
И понимаем, что эти холмы, и деревья, и задник,
И четкий фасад - уезжают, вращаемы, прочь;
Или так, когда поезд подземки стоит слишком
долго меж станций
Поднимается гомон и медленно гаснет в безмолвье,
И в каждом лице все отчетливее опустошенность
Сменяется страхом, что не о чем думать;
Или когда под наркозом в сознание - но сознаешь
пустоту;
Душе я сказал - смирись! И жди без надежды,
Ибо ждала бы не то; жди без любви,
Ибо любила б не то; есть еще вчера
Но вера, любовь и надежда - все в ожидание.

Жди без раздумий, ибо ты не готова к раздумьям

Тьма станет светом, незыблемость ритмом.

Бормотанье бегущих потоков и зимняя молния,

Дикий тмин и земляника,

Смех в саду, отзвук восторга

Не утрачены и насущны, указуют муки

Рожденья и смерти.

Скажешь, что я повторяюсь

Кое-что говорил я и раньше. И снова скажу.

Повторить? Чтобы прийти сюда,

Где ты есть, оттуда, где тебя нет,

Ты должен идти по дороге, где не до восторга.

Чтобы достигнуть того, чего ты не знаешь,

Ты должен идти по дороге незнания.

Чтобы иметь то, чего не имеешь,

Ты должен идти по дороге отчуждения.

Чтобы стать не тем, кто ты есть,

Ты должен пройти по дороге, где тебя нет.

И что ты не знаешь - единственное, что ты
знаешь,

И чем ты владеешь - тем ты не владеешь,

И где ты есть - там тебя нет.

IV

Склонился раненный хирург

С ланцетом в поисках гниения.

В движениях кровавых рук

Участье острое и сожаленье

Творящего кровавый труд во исцеленье.

Все наше здравие - болезнь,

Коль няньке дохлой доверяться,

Твердящей нам все ту же песнь,

Что в мир иной пора нам собираться,

И во спасение должна болезнь усугубляться.

Земля - наш общий лазарет,

И он содержится банкротом.

Отсюда тихо - на тот свет,

Благодаря отеческим заботам,

Куда препроводят с любовью и почетом.

И по ногам озноб ползет,

Я брежу в лихорадке мрачной.

Как мне огня недостает!

Ведь жар чистилища - пустячный,

Не пламя - роза! Чад - лишь дым табачный!

Должна лишь кровь питьем нам быть,

А пищей - только плоть святая.

Но мы предпочитаем мнить

Здоровы наша кровь и плоть живая,

Страстную Пятницу "здоровой" называя.

V

Вот я на полпути, переживший двадцатилетье

entre deux guerres {*},

{* Между двумя войнами (франц.).}

Пытаюсь работать со словом, и каждая проба

Становится новым началом и новым провалом,

Ибо покуда отыщется точное слово или решение,
Никуда уж оно не годится
Говорить уже не о чем. Так каждый приступ
Становится новым началом, походом на невыразимое
С убогими, вечно негодными средствами
Во всеобщем хаосе сознания,
В сумятице чувств. А что завоеешь
В борьбе и смиренности - открыто давно,
И дважды, и трижды - тут уж тягаться тебе
Безнадежное дело, - и состязанья не выйдут;
Остается борьба овладенья утраченным,
И найденным, и утраченным снова и снова;
именно ныне, когда
Это почти безнадежно. А можно: ни
приобретений и ни утрат,
Остается нам только пытаться. Остальное - не
наша забота.
Дом там, откуда вышли мы. Под старость
Мир становится чуждым - все путанней образ
Умерших и живущих. И не миг впечатленья
Сам по себе, без "до" и без "после",
Но вся жизнь, пылающая ежемгновенно,
И не жизнь одного человека,
Но жизнь древних камней с непонятными
письменами.
Время вечеру звезд
И время вечеру ламп

(Вечеру с фотоальбомом).

Любовь обретает себя,

Когда "здесь" и "сейчас" теряют значение.

Старикам должно пытаться,

"Здесь" и "там" - не так важно;

Мы должны быть незыблемы и незыблемо

Перемещаться в иные глубины

Для согласия грядущего и сопричастья

Через кромешную стужу и пустое унынье,

Стон волны и стон ветра, безбрежное море

Буревестника и дельфина. В моем конце

мое начало.

ДРАЙ СЭЛВЕЙДЖЕЗ

(Драй Сэлвейджез - очевидно, от от les trois sauvages

группа скал с маяком к северу

от Кейп-Энн, Массачусетс.)

I

Не так уж много знаю о богах; но кажется река

Могучею богиней, неукротимой и непобежденной

Дайте только срок! Сперва она была границей,

Путем торговым, полным приключений;

И наконец - задача наводителю мостов.

Задача решена - богиня горожанами

Забыта; но все ж она неумолима

В назначенное время свирепеет, сносит все,

напоминая

Чтоб не забывали. Ни почестей, ни жертв

От технократов; но ждет она и выжидает.
Ее дыханье ощущалось в детской,
В апрельском шелесте айлантов,
В запахе осеннего винограда
И в колебании света зимнего рожка.
Река у нас внутри, вокруг нас море.
А море - край земли; гранит,
В который бьется; пляжи, куда выносит
Свидетельства иных своих творений:
Звезда морская, рак-отшельник, хребет кита;
Лужи, где оставляет нам
Водоросли и морской анемон.
Море возвращает утерянное:
Рванный невод, разбитая верша, обломок весла
И снасти безвестно погибших. Море многоголосо.
Не счесть голосов и богов.
Соль на шиповнике,
В елях туман.
Рев и стенание моря
Непохожие звуки, но часто их вместе
Услышишь: жалобный вой в снастях,
Угроза и ласка идущей волны,
Рокот прибоя у гранитного рифа
И сирена, ревущая с мыса
Все звуки моря; сигнальный буй
На фарватере и чайка;
Среди гнетущего безмолвного тумана

Бьет колокол,
Отмеривая время, колеблемый
Тягучей мертвой зыбью; иное время
Постарше времени хронометров, постарше
Времени тревожащихся женщин,
Что ночь не спят, о будущем гадая,
Пытаясь расплести, распутать, развязать
И воссоединить прошлое и будущее,
Меж полночью и рассветом, когда прошлое - обман,
Будущего - не будет, в предутреннюю вахту,
Когда время остановилось и времени нет конца;
А мертвая зыбь, как и было в самом начале
Бьет
В колокол.

II

И где конец беззвучным причитаньям,
Немому увяданию цветов,
Что лепестки пожухлые роняют?
И где конец обломкам на волнах,
Мольбе костей в песке и бесполезной
Молитве на убийственную весть?
Им несть конца - зовется прозябаньем
Цепочка затянувшихся годов,
Где чувства постепенно отмирают,
А идеалы тихо терпят крах
Так долго им служили бессловесно,
Что самая пора бы им отцвесть.

Гордыня не способна к притязаньям,
И силы покидают стариков,
А вера лишь неверье обретает;
Дырявый челн качается в волнах
Осталось ждать, как в тишине небесной
Им колокол подаст о смерти Весть.
И где отыскивать конец скитаньям
Во мгле молочной, скрывшей рыбаков?
Без океана времени не знают,
А моря без обломков на волнах
И будущее так же неизвестно,
Как прошлое - и назначенья несть.
Им числиться пристало за латаньем
Сетей рыбацких или парусов;
Когда же шторм немного утихает
Идущими по морю на судах;
Но не пустившимися в путь корыстный,
Конец которого им не составит честь.
И несть конца безгласным причитаньям,
Гниению увянувших цветов,
Застывшему страданию нет краю,
Теченью и обломкам на волнах,
Мольбе костей ко Смерти, бесполезно
Едва ли вымолвишь Благою Весть.
Старая, думают,
Что прошлое меняет облик: не просто чередованье,
И даже не просто развитие; вот заблужденье,

Внушение слабым понятием об эволюции
Как средство зачеркивать прошлое.
Мгновения счастья - не ощущение благополучия,
Наслажденья, исполненья желаний, безопасности
или любви,
И даже не славный обед - но порыв вдохновенья.
Мы опыт скопили, но смысл его утеряли.
А осмысленье преобразует наш опыт
В нечто иное, в нечто - вне того смысла,
Который нам чудился в счастье. Я повторяю:
Переосмысленный опыт прошедшего
Это не опыт одной только жизни,
Но опыт чреды поколений: это - забыванье
Того, что словами не скажешь:
Взгляд назад поверх уверений
Летописаний, полувзгляд
Вполоборота в звериное прошлое.
Вот вывод: мученья
(То ли по недомыслию,
То ли в напрасных надеждах и страхах
Не суть важно) бесконечны, как время.
Нам это понятней
В мучениях наших родных и близких,
Нежели в собственных муках.
Ибо наше прошлое смыто
Чредою поступков - чужая же мука
Так явственна, так незатерта.

Люди меняются и улыбаются даже - но длятся

мученья,

Время сметает - время же и сохраняет:

Как река, несущая груз мертвых негров, коров

и курятников,

И горькое яблоко со следами зубов;

Как скала в неумных волнах

Хлещут валы, застигает туман:

В тихий день - она только утес,

В добрый ветер - ориентир морякам,

А в сезон штормов и в нежданную бурю

Как прежде, все та же о веку.

III

Думается, не это ли Кришна подразумевал

Среди прочего - примерно вот так:

Будущее - угасшая песня, Королевская Роза или

ветка

Лаванды раскаянья для тех, кому время

раскаяться не наступило,

Засохшая меж пожелтевших страниц нечитанной

книги.

И путь туда - путь обратно, путь вперед, путь назад.

Это трудно усвоить, но одно несомненно,

Что время отнюдь не целитель - больного уж нет.

Когда тронется поезд и пассажиры займутся

Газетами, фруктами, письмами

(Ушли уже и провожающие)

Проясняются лица
На сотню часов в усыпляющем ритме.
В путь, путешественники! Не бегство от прошлого
К жизни иной или в некое будущее;
Пока сзади смыкаются рельсы,
Вы - не те, кто отъехал
И выйдет на остановке;
И на палубе гудящего парохода,
Глядя на борозду за кормой,
Не думайте - "прошлое кончено"
Или же "все впереди".
В сумерках меж снастей и антенн
Напевающий голос (поющая раковина времени
Не для слуха и ни на каком языке)
"В путь, о назвавшиеся путешественниками!
Вы - не те, кто глядел, как удаляется гавань,
И не те, кто ступит на берег.
Здесь, меж берегов,
Пока время недвижно - поймите,
Что меж прошлым и будущим не существует
различий.
В этот миг - не бездействия и не деянья
Подумается вот о чем: "В какую из сфер бытия
Направлена мысль человека,
Когда время ему умереть? " - вот единственное
(А время ему умереть - ежечасно!),
Вот единственное, что плодоносит в жизнях

последующих.

Но не желайте плодов!

В путь!

О путешественники, о мореходы!

Вы, пришедшие в порт, и вы, чьи тела

Познали морской приговор.

Как бы там ни было - это назначено вам".

Вот вам Кришна, наставляющий Арджуну

На поле брани.

И не "Попутного ветра!",

Но - "В путь!", путешественники!

IV

Мать Божья, часовня Твоя на мысу

Помолись за тех, кто в море.

За всех рыбаков,

За держащих праведный путь

И за тех, кто ведет их.

Повтори молитву женщин,

Проводивших мужей и сынов,

Которые все не вернутся:

Figlia del tuo figlio {*},

{* Данте, "Рай", XXXIII, I (итал.)}

Царица Небесная.

Помолись и за тех, кто в море ушел

И кончил свой путь на песке, в объятиях волн,

В черной глотке, откуда не будет возврата

Везде, куда не доносит колокол моря

Вечное Благодарение.

V

Общение с марсианами, обращение к духам,

Хроника жизни морского чудовища,

Гороскопы, гаруспики, дактилоскопы,

Созерцанье хрустального шара,

Диагноз по почерку, хиромантия,

Знаменья в чайниках, кофейная гуща,

Повальный психоанализ, пухлые сонники,

Пентаграммы, бум веронала,

Загробные вести, изучение чрева,

Ждем конца света, - все это вместе

Обычные игры и дурь, и газетная болтовня;

Это будет всегда, и тем более,

Во времена катаклизмов и смут,

Будь то в Азии или же на Эджвер-Роуд.

Человеческий разум проникает в прошлое и будущее

И держится этих понятий. Но постигать

Грань перехода времени в вечность

Занятие для святого

И не занятие: нечто, что дано

И отнято пожизненной смертью в любви,

В страсти, бескорыстии и самозабвеньи,

Большинству из нас - только миг,

Неуловимый скачок, затерявшийся в солнечном

блеске,

Дикий тмин или зимняя молния,

Водопад иль мелодия, слышная глухо настолько,
Что и не слышно ее; но и сам ты мелодия,
Пока она длится. Догадки одни и намеки,
Догадки вослед за намеками; остальное
Молитва, обряд, послушание, помысел и поступок.
Недошедший намек, недопонятый дар
Воплощенье.
Здесь происходит
Слияние сфер бытия;
Здесь прошлое и будущее
Смыкаются и примиряются;
Здесь деянье - иное движенье
Того, что влекомо,
Не емля движенья в себе,
Влекомо хтонической силой.
А праведное деянье - освобожденье
От прошлого, да и от будущего.
Большинству из нас
Это недостижимо;
Только тем мы и держимся
Ибо не оставляли попыток.
Наконец, мы довольны и тем,
Что наши останки питают
(Осененные тисовым древом)
Жизнь осмысленной почвы.

ЛИТТЛ ГИДДИНГ

Весна среди зимы - особая пора,
К закату чуть подтаявшая вечность
Вне времени, меж полюсом и тропиком.
Когда короток день и сверкает, морозен и ярок,
На льду у прудов и канав пылает недолгое солнце;
В лютую стужу оно согревает нам душу;
Отражаемый в зеркале вод
Ослепителен послеполуденный блеск.
Это сияние ярче пылающей ветки
Тревожит безгласную душу: ни дуновенья
Во тьме - лишь Пятидесятницын Огонь.
Меж таяньем и замерзаньем трепещет душа.
Ни землею не пахнет, ни тварью живою. Эта
весна
Вне соглашенья времен. Нынче кустарник
Присыпан цветами снежинок;
Это цветенье внезапней
Цветения лета - ни бутонов, ни завязей,
Вне систем размноженья.
Где оно, время цветенья?
Неуловимая грань?
Если пришел ты сюда,
Как ты сам захотел
И откуда ты сам захотел,
Если в мае пришел ты, увидишь
Снова белый кустарник благоухает.
Так в окончанье пути

То ли ночью пришел, как изгнанник-король,
То ли днем, сам не зная зачем
Так все и будет: когда сходишь с проселка,
За свинарником перед тобою - серый фасад
И надгробье. То, что казалось целью прихода
Лишь скорлупа, оболочка намеренья,
Из которой проклюнется цель, когда уже поздно,
А то - не проклюнется вовсе. Либо нет тебе цели,
Либо цель вне пределов твоих,
Либо сменилась в конце. И другие места
Почитаются краем света - глотка морская,
Озерная мгла, пустыня и город
Но это: ближайшее во времени и в пространстве
Ныне и в Англии.
Если пришел ты сюда
Как угодно, откуда угодно,
В любое время, в любую пору
Ты должен одно: оставь рассужденья и чувства.
Ты здесь не свидетель
И не любопытный.
Ты пришел сюда встать на колени.
Ибо молитва отсюда слышнее. А молитва - не
только
Слова, не только раздумье,
Не собственно звуки молитвы.
То, что мертвые не сказали при жизни
Расскажут посмертно: весть от мертвых

Объята огнем - вне языка живых.

Вот средоточие вечности

Англия и нигде. Никогда и всегда.

II

На рукаве старика зола

Эта роза сгорела дотла.

Облаком пыль поднялась.

Там, где летопись оборвалась.

Прах на зубах - это крыша,

Стены, панели, мыши.

Горевать и надеяться поздно.

Так издыхает воздух.

В глазах и в гортани стынут

Наводнение и пустыня.

Мертвые воды, мертвый песок

Рвут друг у друга кусок.

Почва, сожжена и тверда,

Взирает на тщетность труда.

Выпотрошены поля.

Так умирает земля.

Вода и огонь - на века

Вместо города, пастбища сорняка.

Воде и огню все равно,

Что им жертв не приносят давно.

Огонь пожрет, воды сгнойт

Алтарь, позабывший обряд,

Завещанный нам испокон.

Так гибнут вода и огонь.
В неверный час до наступленья утра
Пред окончаньем бесконечной ночи,
Когда свой круг свершила бесконечность,
И черный голубь с языком горящим
Уже успел уйти за горизонт,
И скрежетали жестью по асфальту
Сухие листья посреди безмолвья,
Меж исходивших дымом трех кварталов
Я встретил пешехода - он как будто
Ко мне гоним был предрассветным ветром
Вдогонку за скрежещущей листвою.
Когда же в обращенный долу лик
Вгляделся я со тщанием, с которым
Глядят на незнакомых в полумраке,
Узнал черты великих мастеров,
Которых знал, забыл и еле помнил;
На обожженном дочерна лице
Глаза у сей колеблющейся тени
Знакомы были так и незнакомы.
Начав двоиться, я его окликнул
И услышал в ответ: "А, это ты!"
Еще нас не было. Самим собою
Я постепенно быть переставал,
А он в лице менялся, но достало
Вполне нам этих слов для узнаванья.
Так, подгоняемы вселенским ветром,

И для размолвки чересчур чужие,
Мы, встретившись в "нигде", ни "до", ни
"после",
На перекрестке времени, в согласьи
Вышагивали мертвым патрулем.
И я сказал: "Мне чудо как легко,
А эта легкость порождает чудо
Так объясни, чего я не постиг?"
И он: "Я не намерен повторять
Своих забытых мыслей и теорий.
Их время вышло - выйдет и твоим.
Да будет так. Молись, чтоб их простили,
Как я молю, прости добро и зло.
Плод прошлогодний съеден - и скотина
Ведро пустое сыто отпихнет.
Ведь прошлые слова - глагол отживший,
А будущие ждут иного гласа.
Но так как ныне нет преград для духа,
Мятущегося меж двумя мирами,
Что стали так похожи друг на друга,
Вновь улицей знакомою шагая,
Скажу, чего не думал говорить,
Оставив плоть на дальнем берегу.
С тех пор, как нам юдолью стала речь,
Мы очищали племени язык,
И постигать учили, и предвидеть
И вот плоды, которыми под старость

Ты сможешь увенчать свои труды.
Во-первых, червоточина сомненья
И разочарованье без надежд,
Лишь горький привкус мнимого плода,
Пока не отойдет душа от тела.
И во-вторых, придут бессилье гнева
Пред глупостью людей и корчи смеха
Там, где никто давно уж не смеется.
И наконец, тиски переоценки
Всего, что ты содеял и кем был;
И запоздалый стыд за побужденья
Ведь все, что ты вершил другим во благо,
Как выяснится - сделано во вред.
А тут глупец ославит похвалою.
От зла до зла блуждает злобный дух,
Пока в огне не возродится снова,
Где ритму ты подвластен, как танцор".
Светало. На развалинах квартала
Он кажется со мною попрощался
И тут под вой сирены растворился.
III
Три у души состоянья. Как цветы с одной ветки,
Они с виду похожи - по сути, ничуть не похожи.
Любовь к себе, к людям, к вещам; отрешенность
От себя, от людей, от вещей; меж ними
Лишь безразличие: нечто бесплодное вне бытия,
нечто среднее

Между свежей и сушеной крапивой. Припомни:

Во имя свободы не отказывайся от любви,

Но вознеси ее выше страсти - вот свобода от
будущего,

Так же как и от прошлого. Любовь к Родине

Начинается с верности делу

И приводит к сознанию, что дело - ничтожно,

Хоть польза какая-то есть. История может быть
рабством,

Может - свободой. Видишь - уходят они,

Столицы и лица, вместе с собственным "я", что
любило их,

Как умело; уходят обрести обновленье и
преображена в новом обличье.

Грех неизбежен, и все ж

Будет благо,

И всяк взыскующий обрящет.

Размышляя об этом месте,

О людях, отнюдь не достойных,

Отнюдь не родных и не добрых,

Но все же высоких духом

И движимых общим духом,

Объединенных и разобщенных борьбой,

О короле в потемках,

О троице на эшафоте,

И о тех, кто умер забытым,

И здесь и где бы то ни было,

И об умершем в слепоте
Говорю: что мы мертвых возносим
Превыше умирающих ныне?!
Не звонить в колокольное прошлое
Не затем! Это не заклинанье,
Вызывающее призрак Розы.
И не нам воскрешать
Позабытые распри
И за ветхим шагать барабаном.
Эти люди и кто с ними бился,
И с кем бились они
Признали устав немоты
И влились в один легион.
И что бы нам ни оставили победители
От побежденных мы взяли,
Что было у них - некий знак.
Знак, свершившийся в смерти.
И будет благо,
И всяк взыскующий обрящет,
Когда побуждены чисты
В основе наших молений.
IV
Пикирующий голубь мечет
Перуны огненны отмщенья.
Язык огня пророчит,
Что нет иного очищенья
Вот путь, который нас излечит:

Ступай в костер - в один из двух:

Огня в огне спасется дух.

Кто ниспослал нам эти муки?

Любовь. Неведомое Имя

Простершего к нам руки,

Воткавшие в рубашку пламя,

И нам ее не снять вовеки.

Вот выбор наш - и должен дух

Идти в огонь - в один из двух.

V

То, что зовется началом - скорее, конец.

И заканчивать - значит, начать.

Начинаем с конца. Что ни фраза

(Где каждое слово - в пору,

Опора для остальных,

Не теряется, не выпирает,

Впитало традицию и современность;

Разговорное слово - метко, но не вульгарно,

Книжное - точно, но не педантично:

Гармония общего ритма)

Что ни фраза - конец и начало,

Что ни строка - эпитафия. Что ни деянье

Шаг к смерти, к огню, в глотку моря

Или к затертому камню. С этого мы начинаем.

С умирающим умираем и мы:

Видишь, уходят они и мы с ними уходим.

Мы рождаемся вместе с умершими:

Видишь - они возвращаются и нас приводят
с собой.

Мгновение розы и мгновение тиса
Равновременны. Народ без истории
Не спасти от забвенья, ибо история
Ткань из мгновений. Потому, зимним днем,
Когда свет угасает в безмолвной часовне,
История - ныне и Англия.

Волею этой Любви и гласом этого Зова.

Мы не оставим исканий,
И поиски кончатся там,
Где начали их; оглянемся,
Как будто здесь мы впервые.

И ступив за ворота,
Поймем - нам осталось
Начать да и кончить:
У истока тишайшей реки
Шум невидимого водопада,
И под яблоней прячутся дети
Только некому их доискаться,
Только слышно их, полуслышно
В безмолвьи меж всплесками моря.

Скорей же: здесь, сейчас, всегда
Состоянье абсолютной невинности
(Стоящее всего на свете!)

И будет благо,
И всяк взыскующий обрящет,

Когда языки огня

Сплетутся в пылающий узел,

Где огонь и роза - одно.

Перевод С. Степанова

Примечания

ЧЕТЫРЕ КВАРТЕТА

Навеяны поздними квартетами Бетховена. "Стать выше поэзии, как Бетховен в своих поздних произведениях стремился стать выше музыки" (1933). Подобная творческая позиция представляет собой отказ от творчества - и, действительно, после "Квартетов" Элиот стихов практически не писал.

Каждый квартет состоит из пяти частей (вслед за квартетами Бетховена) и характеризует одно из четырех времен года, один из четырех возрастов, одну из четырех стихий.

"Квартеты" были написаны с 1934 по 1942 г. и впервые вышли отдельным изданием в 1943 г.

Бернт Нортон - Этот квартет родился из черновиков стихотворной драмы "Убийство в соборе" (см. в тексте книги). Эпиграфы взяты из древнегреческого философа-диалектика Гераклита Эфесского. Бернт Нортон - небольшое имение в Глостершире, близ которого жил Элиот.

Ист Коукер - деревня в Сомерсетшире, где в XVI-XVII веках жили предки Элиота и откуда они эмигрировали в Америку.

В моем начале мой конец - перевернутый девиз Марии Стюарт "В моем конце мое начало".

...безмолвным девизом - девизом рода Элиотов "Молчи и делай".

Драй Селвэйджес - Название разъяснено поэтом в эпиграфе. Бог огня, солнца и разрушения Кришна наставил принца Арджуну сражаться, не боясь возможных потерь.

Литтл Гиддинг - Название небольшой англиканской общины, созданной в 1625 г., и находящейся по сей день на том же месте деревушки.

Призрак поэта и учителя в III части сочетает в себе черты многих великих, но прежде всего - точного элиотовского "спутника" Данте. Да и термины навеяны "Божественной комедией".

В данных комментариях частично использованы примечания из предыдущих русских изданий Элиота, а также неизданный комментарий одного из переводчиков. Подстрочные примечания к переводам А. Сергеева выполнены В. Муравьевым.

Переиздание переводов произведено по книгам:

1. Элиот Т. С. Избранная поэзия / СПб.: "Северо-Запад", 1994.

2. Элиот Т. С. Камень / "Христианская Россия", 1997.

3. Стихотворения века-2: Антология мировой поэзии в русских переводах XX века / Сост. Е. В. Витковский. М.: "Полифакт. Итоги века", 1998.

4. Элиот Т. С. Убийство в соборе / СПб.: "Азбука", 1999.

В. Топоров